

Окуджава Б.

9.XII-90

Моск. новости. - 1990. - 9 дек (№ 49) - с. 3

Почему Николай I не любил лакеев

Я никогда особенно не задумывался о природе хамства. Ну дурное воспитание, неумение владеть эмоциями, неуважение к собеседнику. Допустим. Это где-то в магазине, на улице, в трамвае, мимолетное, оскорбительное, без лица, без имени. Подсказывают: это невежество. Не могу согласиться. Встречал невежд, малограмотных, темных, но в хамстве упрекнуть не могу. Смотрю в словарь: хам — грубый, наглый. Да, но откуда он? Кто он такой? Какими глазами смотрит на мир? Какие процессы бесчинствуют в его крови?

Хочу оговориться, что я и в себе замечаю время от времени проявления этой застарелой порчи и, размышляя об этом, вовсе не стремлюсь выступить в роли судьи, чистенького и безгрешного.

Сию недавно на представительном собрании. В Москве. Собрание писателей. Все собравшиеся — творческие работники, все, подразумеваются, интеллигенты. Обсуждаются важные для нас вопросы. Выступает первый секретарь правления Владимир Карпов. С чем-то я согласен, с чем-то не могу согласиться. Все, как обычно. Знаю, сейчас начнутся прения, и с ним крепко поспорят. Но внезапно из середины зала раздаётся истошный крик. Кто-то кричит иступленно о своем несогласии. Лица ожесточенные, интонации лагерные. Инженеры человеческих душ. Интеллигенты? Нет, нет, что-то здесь не так. Предназначение и инструмент не соответствуют друг другу.

Другой докладчик (главный редактор «Литгазеты» Федор Бурлацкий) просил и так и эдак: «Дайте же мне досказать. Ну товарищи... да дайте мне еще два слова». Но товарищи не дали.

Вечером в писательском ресторане они сидели за столиком, пили и говорили один другому: «Старик, ты гений! А этим надо промеж глаз, пусть знают».

И вот оскорбленный В. Карпов покинул собрание, Ф. Бурлацкий был смят, и тогда председательское место занял опытный Сергей Михалков. Тут снова заорали жаждущие известности и даже славы. Особенно один. И тогда, что было совершенно неожиданно, председательствующий заорал на этого на самого, и крикун... примолк.

Тут я немного отвлёкся, потому что вспомнил интересный эпизод из русской истории. Однажды в сороковых годах прошлого века импера-

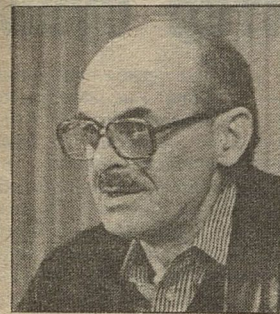
тор Николай I приехал в город Ярославль и держал речь в Дворянском собрании. Сказал он следующее: «Мне нравится, как идут дела в нашем отечестве. Все классы работают рука об руку. Первый класс — это класс дворянства, хранитель наших устоев, второй класс — это класс духовенства, соблюдающий наше православие, третий класс — это класс купечества, приумножающий наши богатства, четвертый класс — это класс крестьянства, кормящий нас хлебом насущным... Но есть один класс, к которому я отношусь с подозрением и недоброжелательством. Это класс лакеев...» Не дурак был Николай Павлович. И подразумевал он под лакеями именно хамов, жлобов, холуев и прохиндеев, ибо они страшны в толпе.

Так кто же этот крикун? — думаю я, а мне объясняет некто сердобольный, что писатели — люди эмоциональные. «Так ведь и вы писатель и тоже эмоциональный, но ведь вы не орете с ненавистью и ожесточением». И он пожимает плечами. Я смотрю на орущего и начинаю его понимать. У него все написано на лице: все страсти, все причины и поводы.

Типичный «двоечник», о которых замечательно писал ленинградский литератор Виктор Петров. Кто-то корыстный обманул «двоечника» в юности. Кто-то шепнул ему однажды: «Старик, ты гений!» и посодействовал приему в Союз писателей, и его приняли. Вот он — писатель. Писать он не умеет, подражает ближайшим «мэтрам», кое-что издает, хлопочет, бегаёт по редакциям, сколачивает группки из таких же, суется. Но ведь за все надо платить. И он платит тому, кто его облагодетельствовал: с холуйской одержимостью дерется за своего босса, поет в своем хоре, ненавидит всех за его пределами — «тех самых». У него такие основания: «те» широко печатаются, о них пишет критика, бывает, и поругивают, но пишут, оповещают общественность, печатают за границы, им подфартило, вот они ходят совсем рядом, их узнают, к ним подходят издатели, заключают договоры, а с ним?... Что делать? И он орет на собрании и самоутверждается, хоть так...

Надо бы сесть за письменный стол и использовать последний шанс — и писать, писать, писать. Ты ведь художник, худо, надо выразить себя, а потом Бог скажет, кто ты... Нет, его уже обманули, назвали гением.

ВО МНЕ

Булат ОКУДЖАВА,
писатель

В Бога он не верит: от Бога не дождеши!.. И он орет... Плюнь, уйди в другой цех, пока не поздно. Литература — штука суровая, она требует высокой одаренности, серого вещества, большой культуры, риска и удачливости... Нет, ему уже пообещали. Он смотрит и видит: чьи-то книги расхватаются, а его книжка лежит. Ну что ж, и так бывает, бывает и не сразу, но, как сказал один мудрец: либо о н о в тебе есть, либо е г о нет, а если нет, то хоть ори, хоть поноси чужаков, хоть кликушествуй, хоть считай виноватыми американцев или евреев, русских или папуасов, е г о все равно не будет. Но он орет...

Если бы он один! А то ведь выясняется, что лет двадцать пять тому назад в Союз писателей наприжимали скопом толпу таких для большинства при голосовании, а лет через десять — еще толпу, кого попроше, поподслухней, позависимей, поагрессивней. Тех, что придумали и осуществили это злодейское мероприятие, давно уже нет, а толпа осталась. Вот вам и союз.

И мне хочется крикнуть и ему, и им, и нам всем: «Ребята, не суется, не кликушествуйте, занимайтесь делом — пишите, пишите. Потом выяснится — кто есть кто, потом, потом, после нас. Известность, конечно, соблазнительна, но слава всегда только посмертна. Не забывайте об этом и не орите, а пишите, если вы писатели».